

Оказалось, что еще глубокой ночью, когда Ян Цзо поднялся сменить караул, разведчики передового лагеря доставили срочное донесение. После дневного сражения основные силы Западных варваров понесли тяжелые потери и остановились на привал всего в нескольких лилях отсюда.

Трудно было сказать, полагались ли варвары на сложность рельефа или просто выбились из сил, но несколько отрядов разведки подтвердили: враг беспечен и не подозревает о слежке.

Поначалу Ян Цзо принял это за хитроумную ловушку. Но когда третья волна лазутчиков доложила точные координаты вражеских обозов, он, не колеблясь, вылил ушат холодной воды на Вэй Ю, который все еще безмятежно дрых на своей лежанке.

Схватив едва проснувшегося соратника за шиворот, Ян Цзо отобрал у него военную печать и, задействовав почти половину сил лагеря, под покровом ночи выступил в поход. Копыта коней обмотали ветошью, во рту у скакунов зажали удила — скрытно, словно тени, они подобрались к самому стану Западных варваров.

К счастью, пока они скакали, Вэй Ю окончательно протрезвел. Как только Ян Цзо отдал приказ жечь обозы, чтобы посеять панику, этот неистовый здоровяк с диким ревом вскинул длинный меч ущербной луны и, вонзив шпоры в бока коня, во главе правого лагеря подобно разъяренному тигру врубился в ряды врага.

В тот миг золотое пламя пожаров слилось с багровыми всполохами крови, окрашивая серебристый диск луны в зловещие тона.

Ян Цзо был искусен в стратегии, Вэй Ю — непревзойден в бою. Этот союз разума и силы стал для Маркиза, умиряющего дальние земли, и без того облеченного властью, настоящим крылом, вознесшим его к вершинам могущества при дворе.

И все же Ян Цзо не сдержал обещания.

Он не принес голову главнокомандующего Западных варваров, а доставил его живым.

Ли Цюань впервые видел вражеского военачальника так близко. Раньше, на поле боя, ему удавалось лишь мельком заметить его издали, но теперь он мог рассмотреть пленника во всех деталях.

Земли варваров граничили с Великой Цзинь, и обличем они почти не отличались от жителей Срединной равнины. Ли Цюань помнил, как в детстве в их деревню забредали торговцы из числа Западных варваров: если они надевали наши одежды и молчали, отличить их было невозможно.

Сейчас этот вражеский генерал был скручен по рукам и ногам, словно куль муки. Руки

вывернуты за спину, между колен втиснута палка, а рот туго забит белой тканью и перетянут веревкой — видимо, опасались, что он решит покончить с собой.

Трудно было судить о его красоте: лицо пленника превратилось в черную маску от копоти и гари, волосы обгорели до рыжины — вид он имел по-настоящему жалкий.

На нем был плотный шелковый доспех — Ли Цюань слышал от старых солдат, что такие носят лишь высшие чины. На вид мягкий и легкий, он не уступал в прочности легендарным доспехам из шелка небесного шелкопряда.

Только вот доспех, каким бы дорогим он ни был, — вещь неодушевленная. Защитить своего хозяина от позора он не смог.

Даже стоя на коленях перед генералом Фань, вражеский военачальник упрямо вскидывал голову. Его шея, казалось, была вырезана из дуба — настолько прямой и непоколебимой она оставалась. Он смотрел с яростью, на лбу вздулись вены, а ноздри подрагивали от тяжелого, свистящего дыхания, пока он буравил генерала полным ненависти взглядом.

Сам же генерал Фань оставался пугающе безразличным. Он неторопливо изучал донесения, лишь изредка бросая холодный взгляд на почтительно застывших рядом Ян Цзо и Вэй Ю.

Сердце Ли Цюаня тревожно екнуло. Он осторожно толкнул десятника Чжао локтем и прошептал:

— Десятник Чжао, неужели генерал разгневется на помощника генерала Яна?

— Чего? — Чжао Сы недоуменно покосился на него, ковыряя в ухе.

— Ну, Ян Цзо ведь ушел в бой без приказа, не предупредив генерала... — пояснил Ли Цюань. — Вдруг он решит, что помощник генерала Яна захотел присвоить себе всю славу?

Чжао Сы смерил парня долгим взглядом, в котором читалось явное «дурака учить — только портить», и лишь выразительно закатил глаза, качая головой.

Ли Цюань удрученно замолчал. Впрочем, генерал вскоре сам разрешил его сомнения.

— На войне дорога каждая секунда. Наградить.

Всего несколько слов, и напряжение, царившее в шатре, мгновенно испарилось. Точнее, оно исчезло лишь для новобранца Ли Цюаня — Ян Цзо, Вэй Ю и Чжао Сы оставались спокойны, слишком хорошо зная нрав своего командира.

Вэй Ю шагнул вперед и точным движением кинжала перерезал веревку на лице пленника. Вырвав кляп, он резким пинком повалил варвара на землю.

— Тьфу! — Пленник заговорил на чистом языке Великой Цзинь. Он сплюнул кровь прямо на подол генеральского плаща. — Казните или пытайте — дело ваше! Лишние слова ни к чему!

Ян Цзо усмехнулся и сделал шаг вперед:

— Крепкий орешек. Генерал, убивать такого было бы расточительством, не находите?

— Казнить! Конечно, казнить! — взревел Вэй Ю, багровея от гнева. — Подумай, сколько наших братьев полегло от его руки! Генерал, завтра же нужно пустить ему кровь, чтобы упокоить души павших!

Ли Цюань мысленно заплотил. Сработались они мастерски: один — добрый следователь, другой — злой. Классическое представление.

Генерал Фань наконец отложил свитки. Он посмотрел на распростертого у ног человека глубоким и неподвижным взглядом, словно омутом.

— Кто доносит вам из нашего лагеря?

Варвар на мгновение замер, но через секунду он презрительно усмехнулся:

— Думаешь, я выдам своих? Или ты возомнил, что в силах сломить воина Западных варваров?!

Западные варвары чтили силу. Их воины презирали смерть, а еще больше — трусость. В Великой Цзинь не даром говорили: у Западных варваров бывают узники, но не бывает предателей.

Ян Цзо нахмурился — похоже, он и сам начал жалеть, что не привез одну лишь голову.

Но пока все на миг замешкались, пленник внезапно оттолкнулся ногами от земли и всем телом, словно живой таран, бросился на генерала!

— Генерал! — вскрикнули сразу несколько голосов.

Ли Цюань первым кинулся наперерез, пытаясь заслонить командира, а Вэй Ю молниеносно перехватил «бешеную собаку» со спины. Однако варвар успел выплюнуть обрывок ткани и закричать.

— Тьфу! Какой еще Маркиз, усмиряющий дальние земли? Какой «Бог войны, защищающий государство»? — Пленник яростно вращал глазами, срывая голос на хриплый крик. — Ты — всего лишь цепной пес на службе у Цзинь!

Он скалил зубы, его лицо исказила гримаса беспредельной ненависти.

— Империя Цзинь нарушила клятву и первой вторглась в наши земли! А твой отец, Фань Ин, продал честь за милость господина! Он предал предков! Предал Западных варваров!

Слова падали, словно камни.

— Вы оба — проклятые изменники и предатели! Весь наш народ будет проклинать ваш род, пока вы не сгниете в самых глубинах ада!

Раздался резкий свист, и Ли Цюань почувствовал, как щеку обожгло жаром. В следующую секунду из шеи пленника брызнула алая кровь, и шатер мгновенно наполнился тяжелым, душливым запахом сырого железа.

Безымянный генерал Западных варваров замер с открытым ртом, его взгляд остекленел. Кровь, толчками выходящая из перерубленного горла, быстро густела, теряя свой яркий цвет.

Он смотрел снизу вверх — на свое собственное тело, которое другие все еще крепко держали, не давая упасть.

А затем взгляд его сместился на того, кто держал в руке обнаженный меч. Человек небесной красоты с ледяным лицом, меж бровей которого алела капля чужой крови. В этот миг он был похож не на воина, а на воплощение самой смерти.

— Генерал! — Вэй Ю брезгливо отбросил обезглавленное тело. — Весь плащ мне кровью забрызгали! Смердит невыносимо!

— Генерал, это... — Ян Цзо осекся и лишь тяжело вздохнул: — Что ж, все равно из его пасти мы бы ничего не вытянули.

Ли Цюаня колотила неудержимая дрожь.

То ли потому, что он стоял ближе всех, то ли потому, что еще не привык к нраву командира, но сейчас он почти физически ощущал исходящую от него ауру. Она была ледяной и жаждущей крови, словно сорвавшаяся с цепи хищная птица. Генерал смотрел на Ли Цюаня так остро, словно клинок пронзал его насквозь.

Генерал в гневе? Ли Цюань не смел обернуться, чувствуя, как от этой убийственной стужи подкашиваются ноги. Он стоял не шевелясь, позволяя липкой влаге на лице засыхать, не смея даже смахнуть ее.

Обычно генерал Фань казался медлительным, почти отрешенным, а в бою — расчетливым и неумолимым. Но сейчас... Ли Цюань не решился бы взглянуть ему в глаза.

Белый силуэт бесшумно миновал застывшего солдата. Генерал Фань подошел к безголовому труп. Одним точным движением он подбросил голову пленника в воздух острием меча, а затем поймал ее, вонзив клинок прямо в основание шеи.

Он протянул рукоять меча Вэй Ю:

— Объявите о великой победе.

— Есть! — Вэй Ю радостно принял ношу и выскочил из шатра. Его громовой голос разнесся над лагерем: — Победа! Мы победили!

После короткой тишины лагерь взорвался ликующим ревом. Крики тысяч воинов накатывали волна за волной, казалось, готовые обрушить небо.

Но Ли Цюань словно оглох. Перед его глазами стоял генерал — в залитых кровью одеждах, равнодушный и холодный. Та ярость, что он почувал мгновение назад, исчезла без следа, будто морок.

«О чем он кричал?» — билась в голове Ли Цюаня мысль.

О том, что Великая Цзинь нарушила договор? О том, что отец генерала, покойный Бог войны, защищающий государство, был...

Он стоял как вкопанный, пока Чжао Сы с усмешкой не хлопнул его по плечу:

— Чего застыл, малый? Обомлел? Слышал, что генерал сказал? Мы победили!

— Победили? — Ли Цюань повторил это слово, словно оно было на иностранном языке. — Победили?

— Конечно! Разве генерал может ошибаться?

— Значит... мы отомстили за брата Вана?

Голос десятника дрогнул, улыбка медленно сползла с его лица.

— Да, — глухо отозвался он. — Отомстили...

Ли Цюань не ответил.

— Эй, ты чего? — Чжао Сы растерянно смотрел на парня, который начал яростно тереть щеки, глотая слезы. — Когда проигрываем — плачешь, когда побеждаем — тоже? Ты что, из плакса уродился? Перестань сейчас же, а то генерал подумает, что я тебя обижаю!

Но слезы Ли Цюаня лились сами собой. Нос хлюпал, а в ушах стоял торжествующий гул снаружи. В горле застрял комок, который можно было выплакать только вместе с этой соленой влагой.

— Да хватит тебе, прошу... А! Генерал! — Чжао Сы вытянулся во фронт. Генерал, минуту назад стоявший у входа, оказался прямо за его спиной.

Десятник мгновенно сообразил, что к чему. Схватив перепачканного слезами Ли Цюаня, он буквально подтолкнул его к командиру и поспешно ретировался:

— Генерал, я... я пойду, проверю людей!

Ли Цюань остался один.

— У-у... Генерал... — почувствовав рядом знакомое тепло, парень разрыдался еще горче. Его плечи содрогались от рыданий, голос осип. — Я... мне радостно, но... но так тяжело...

Радостно — потому что победа.

Тяжело — потому что в груди что-то ныло так нестерпимо, что не вздохнуть.

Генерал Фань замер, раскрыв объятия. Его широкая грудь была прямо перед Ли Цюанем.

Генерал не умел утешать. Он не знал, как успокоить плачущего мужчину. Поэтому какое-то время они просто стояли друг напротив друга: один рыдал, другой застыл в нерешительности.

Наконец генерал Фань пришел в себя. Его рука, на мгновение зависнув в воздухе, легла на макушку Ли Цюаня. Волосы у парня были жесткими и взъерошенными — совсем не такими, как у самого генерала, — но от них исходило живое тепло, словно они напитались жарким солнцем. Это тепло неожиданно принесло генералу Фань покой.

Он мягко прижал голову Ли Цюаня к своей груди и тихо произнес:

— Мы победили.

— Хнык...

Ли Цюань вцепился в одежды генерала, и его плач, громкий и искренний, еще долго не затихал под сводами шатра.

<http://bllate.org/book/17414/1657607>